

Мкртич Зардарян

КОММУНИКАЦИОННАЯ ОСЬ «ЮГ - СЕВЕР»
В СИСТЕМЕ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ
(I тыс. до н. э.)

Mkrtich Zardaryan
THE ARMENIAN HIGHLANDS ON THE COMMUNICATION
ACCESS "SOUTH-NORTH" (I millennium B. C.)

*During the development of civilizations of the Armenian Highlands and South Caucasus, the specific geographical location of this region has transformed into a peculiar **natural resource**, guarantying its participation in different processes – ethnic, cultural, economical, political, social, taking place on both sides of the "Caucasus Shield" – in Near East, as well as on the territory of Eurasian steppes.*

The long-lasting and multi-vector exchange of material and intellectual values between the traditional groups of partners promoted the formation of certain channels of interregional intercourse. In terms of dependence on the specific natural conditions, as well as cultural-political factors, the system of these channels had a rather stable character, which allows us to consider the dynamics of the exploitation of its concrete branches during considerable periods of time.

In the context of problems being observed, the I millennium B.C. draws a special interest, as a period which was marked in the history of the Near Eastern civilizations, and especially of the Armenian Highlands and South Caucasus, by a number of cardinal transformations. The formation and development of the system and structure of interregional cultural and economical exchange takes a special position among the latter. The following article is not oriented towards the presentation of whole spectrum of interactions between the societies and states of Armenian Highlands and South Caucasus with the Near Eastern environment. It is focused upon the analysis of ties of the mentioned region with Mesopotamia and Iran by certain communicational channels.

Изучение этапов формирования и развития культурно-экономической интеграции древних обществ Передней Азии и их трактовка, при всей своей научной значимости и позитивным традициям, приобрели в последние годы определенную конъюнктурную направленность. Это обстоятельство возымело значительное воздействие как на тематический охват, так и на глубину и объективность исследований. В частности, особенно явственно отмеченные тенденции проявились в исследованиях коммуникационных структур, сложившихся за тысячелетия многопрофильного взаимодействия различных регионов Древнего Востока.

В числе результатов внедрения подобных подходов следует упомянуть: гипертрофирование оценок одного из направлений трансрегионального обмена (восток-запад-восток); квазинаучные дискуссии относительно отдельных его ветвей, при полном игнорировании других составляющих этой, по существу, единой интеграционной системы; постепенное укоренение усеченного восприятия последней и далее – попытки искусственной адаптации объективных исторических,

археологических и иных данных к субъективным теоретическим моделям, ориентированным на цели далекие от науки как таковой.

В сложившихся условиях актуализируется последовательный, комплексный анализ экономических приоритетов и внешнеэкономической ориентации определенных регионов в динамике их формирования и развития на протяжении продолжительных исторических периодов. В том же ключе следует рассматривать и вопросы коммуникационных структур и конкретных каналов, обеспечивавших внешние связи регионов.

В новом ракурсе представляется и целевое изучение этапов развития культурно-экономических связей Армянского нагорья и Южного Кавказа – региона, который с точки зрения своего географического, ресурсного, культурного потенциала и иных характеристик, занимал одну из ключевых позиций на Ближнем Востоке и Передней Азии в целом. Предметный (а не *verbi gratia*) анализ узловых аспектов внутрирегионального и трансрегионального взаимодействия, имеет кардинальное значение не только для исследования конкретных фаз истории собственно региона, но и для объективного освещения интеграционных процессов, протекавших в пределах значительно большего географического (и культурного) ареала.

В контексте рассматриваемой проблематики, особый интерес представляет I тысячелетие до н. э. – период, ознаменовавшийся в истории цивилизаций Ближнего Востока и особенно Армянского нагорья и Южного Кавказа, рядом кардинальных трансформаций. Широкое освоение железа и новый уровень экономики, социальные инновации и окончательное формирование государственности (в том числе - национальной), резкое расширение рамок политического, экономического, культурного взаимодействия: таков неполный перечень формообразующих подвижек, характеризующих данный исторический период. Естественно, упомянутые новации, в зависимости от географической, экономической, либо иной специфики конкретных областей рассматриваемого региона, протекали не параллельно – с определенной асинхронностью, различной интенсивностью и в различной корреляции с другими процессами. Так, если на Армянском нагорье и Западном Кавказе активизация последних наблюдается уже в начале тысячелетия, то на Восточном Кавказе они проявляются значительно позже (*Археология СССР, 1985. сс. 107-109*). Существенные отличия можно проследить и в сфере интеграционных ориентиров и культурных приоритетов «передовых» областей: в частности, взлет Армянского нагорья (в рамках рассматриваемых процессов), в числе прочих обстоятельств, был обусловлен тесными связями с Месопотамией, Левантом, Ираном и позднеехеттским миром. Между тем, подъем Западного Кавказа стал результатом преимущественно «Великой греческой колонизации».

Параллельно с различиями культурно-экономических приоритетов, в ряду предпосылок активизации развития упомянутых областей прослеживаются и определенные общности, как то: контроль над стабильными коммуникационными каналами, а также темпы и уровень прогресса, достигнутые в ходе предшествующих исторических периодов и обеспечившие быстрое восприятие и творческую переработку внешних импульсов.

Настоящая статья не ориентирована на освещение всего спектра взаимодействия между обществами и государствами Армянского нагорья и Южного Кавказа с ближневосточным окружением. Являясь составной частью обширного исследования, она фокусируется на анализе связей рассматриваемого региона с Месопотамией и Ираном.

Первые, достаточно ощутимые, материальные свидетельства связей Армянского нагорья (в частности его северных областей) с Месопотамией восходят ко времени Халафской и Убейдской культур (*Торосян Р. 1976. сс. 103-105.*). Достаточно рано формируются и взаимоотношения с культурами Иранского плато, обусловленные, в числе иных обстоятельств, историко-культурными, этническими и экономическими общностями соседних регионов. В ходе последующих исторических эпох связи Армянского нагорья с отмеченными регионами Передней Азии продолжают углубляться и к концу II тыс. до н. э. складываются в стабильную полифункциональную систему взаимодействия.

Продолжительный, многовекторный обмен материальными и интеллектуальными ценностями между традиционными группами партнеров, способствовал формированию столь же определенных каналов межрегионального общения. В условиях зависимости от специфики горного рельефа – с одной стороны (Армянское нагорье, Иранское плато), и привязки к водным артериям и ресурсам – с другой (Месопотамия), система этих каналов имела довольно стабильный характер, что позволяет рассматривать динамику эксплуатации конкретных ее ветвей на протяжении значительных отрезков времени.¹

С позиций исследования приведенных проблем, территория исторической Армении (Армянское нагорье) представляет особый интерес. Данный регион, наряду с иными характерными предпосылками, уже в силу своего географического положения был призван обеспечивать связи ряда наиболее развитых культур Древнего Востока с Южным Кавказом, а через Колхидские, Дарьяльские и Дербентские «ворота» и с северными отрогами Кавказа и Южно-русскими степями. Материальные свидетельства активной деятельности в этой сфере, в частности, проникновение специфичной продукции и производственных традиций из Месопотамии на Армянское нагорье и Южный Кавказ, а отсюда – в северопричерноморские и придунайские области, прослеживаются уже в III тыс. до н. э. (*Мартиросян А.А. 1964. сс. 40-41 и др.*). Заметим, что фактически в то же время формируется и встречный поток сырья и продукции (*Мартиросян А.А. 1960. с. 95*). В этом плане весьма красноречивы результаты новейших изысканий, посвященных анализу закономерностей распространения обсидиана из армянских и южнокавказских месторождений в эпоху Неолита – Раннего железа. Эти

¹ Настоящая работа ориентирована на рассмотрение конкретных ветвей переднеазиатской коммуникационной сети, пролежавших в направлении Юг – Север и, в частности – через Ширакское плато и бассейн оз. Севан. На прилагаемой карте (см. карту) исторические торговые пути представлены соответственно именно этим тематическим рамкам. Во избежание перегрузки, картографии подвергнуты характерные археологические материалы эпох Поздней бронзы и Раннего железа. Что касается позднейших материалов, и в частности античных, то они покрывают отмеченные каналы фактически полностью, и представление их в настоящей статье не представляется необходимым.

исследования позволяют констатировать факт валового экспорта обсидиана из месторождений Армянского нагорья в отдаленные регионы Иранского плато по крайней мере с III тыс. до н. э. Примечательно, что к концу тысячелетия традиционный экспорт в эти регионы обсидиана из бассейна оз. Ван, замещается сырьем месторождений севера нагорья (территории современной Армении), расположенных на расстоянии ок. 1500 км. от «зоны потребления» (*Бадалян Р. С. 2002. с. 26*).

Этот обмен (сопровожаемый также и этническими миграциями вдоль тех же каналов общения) приобретает особый размах в периоды Поздней бронзы и Раннего железа. Он иллюстрируется не только концентрацией в определенных областях Армении и Южного Кавказа изделий иранского, или месопотамского происхождения, но и многочисленными свидетельствами южнокавказского экспорта на юго-запад и юг (*Погребова М.Н. 1977. сс. 169, 177 и др.; Мартиросян А.А. 1964. сс. 229-230*). При этом, на различных этапах взаимодействия, в качестве «единиц» обмена фигурируют как конкретные типы продукции, так и традиции их производства (*Пилипосян А.С., 1999. сс. 53, 54 и др.*).

Раскопки последних лет в Армении и сопредельных регионах значительно обогатили перечень подобных находок. Так, богатая коллекция привозного оружия, накопленная за прошедшие десятилетия исследований, была дополнена новыми находками биметаллических кинжалов луристанского типа (в частности, Ором, погр. 49). К обширной серии месопотамской глазурованной керамики, выявленной при раскопках Айгевана, Двина, Ошакана, Мецамора, Лори-Берда и других памятников (*Кушнарёва К.Х. 1959. сс.383-385; Есаян С.А., Зардарян М.О. 1985. сс. 152-161*)², прибавились блестящие образцы из того же Орома, Севанского бассейна и пр. Весьма значительную, по объему и разнообразию, коллекцию составляет такая специфичная группа археологических материалов как печати (*Пилипосян А.С., 1998*) и др.³ Перечень подобных находок растет год от года.

Концентрация в комплексах археологических материалов изделий, происходящих из определенных регионов (центров) и обуславливает изучение возможных путей их проникновения. Необходимо заметить, что данная проблематика затрагивалась специалистами и ранее. Однако, в предшествующих исследованиях авторы либо ограничивались констатацией наличия импортных изделий, либо рассматривали это явление в крайне узких хронологических рамках, в лучшем случае – в пределах конкретного археологического периода. Между тем, комплексное сопоставление материальных и иных данных (в контексте анализа связей определенных этнокультурных, этнополитических, или геополитических регионов) в более широких хронологических параметрах, выявляя как элементы, характерные именно для данного периода, так и объективные «межэпохальные»

² В отмеченных трудах приведены также сведения о большинстве находок месопотамской глазури, выявленной на территории Армянского нагорья.

³ Целевое изучение импортных и экспортировавшихся археологических артефактов не входит в круг задач настоящей работы. В данном случае последние рассматриваются нами лишь в контексте анализа коммуникационного обеспечения связей Армении (Армянского нагорья) с центрами (регионами) их производства или потребления.

общности, позволяет выдвинуть поставленную проблему на уровень несравнимо более значимых культурно-исторических и экономических обобщений.

В свете сказанного, весьма перспективным представляется целевой анализ археологической информации рубежа II-I тыс. до н. э., урартского и античного периодов, в комплексе с рядом письменных свидетельств той же античности. В частности, подобный подход делает возможным с высокой степенью достоверности реконструировать структуру межрегионального обмена, равно как и определенные пути по которым она протекала.

В контексте исследуемой темы особого внимания достойно сообщение Страбона об участии скифо-сарматских племен Северного Кавказа – аорсов и сираков, в трансрегиональной караванной торговле индийскими и вавилонскими товарами, получаемыми ими от армян и мидийцев (*Strabo, Geogr. XI, V, 8*). Примечательно, что это сообщение I в. до н.э. четко коррелируется как с более ранними сведениями Геродота (*Hist., I, 104*), так и с данными итинерария Кастория IV в. н. э. (*Muller C. 1916. Segm. X, 4 – XII, 2*) и иных источников.

Реконструкция общей модели этой магистрали, базирующаяся на источниковедческих и историко-географических данных, была предложена акад. Я. Манандяном еще в 30-е гг XX века (*Манандян Я. А. 1936. сс. 117-135, 139-172*). В позднейших арменоведческих трудах были уточнены данные о топографии отдельных ее ветвей, детали относительно истории их эксплуатации (*Манандян Я. А. 1954. сс. 57-62; Еремян С. Т. 1969. сс. 16-25; Еремян С. Т. 1979 и др.*). В результате этих исследований, сложилось следующее представление об обсуждаемой магистрали. С побережья Персидского залива (от Шат-эль-Араба) она поднималась в Вавилон, Селевкию-на-Тигре, Экбатаны и через Фрааспу, Газаку (Гандзак), Таврез и Нахиджеван, доходила до столицы античной Армении – Аргашата (Артаксаты). Далее, пролегая по Араратской долине и огибая г. Арагац с запада, дорога поднималась на Ширакское плато, в Джавахк (Джавахети) и преодолевая Зекарский перевал, вниз по руслу р. Фазис (Риони), спускалась в Колхидскую низменность. Продолжаясь на северо-запад, вдоль побережья Черного моря, она доходила до Диоскурии-Себастополиса, известного как крупнейший эмпорий народов, населявших в античности Западный и Северный Кавказ (*Strabo, Geogr. XI, II, 17*). Далее, дорога следовала на Питиунт, Танаис, в нижнем течении Дона и выходила на просторы северопричерноморских степей (см. Карту 1).

Один из отрезков этой магистрали, разветвляясь близ Гандзака, формировал коммуникационное кольцо вокруг оз. Урмио. Второе кольцо создавалось другой ветвью, отходившей от вышеописанной дороги близ Ошакана (в Араратской долине), огибавшей г. Арагац с востока и севера и соединявшейся с ней в Шираке.

В системе связей Кавказа с Ближним Востоком своей значимостью выделялась еще одна ветвь рассматриваемой магистрали. Отходя на север от Араратской долины близ совр. Еревана,⁴ она шла вверх по левому берегу р. Раздан, преодолевала Севанский перевал и вдоль русла р. Агстев, через древний Лал

⁴ Поселения, а начиная с урартского периода – и города, расположенные на территории совр. Еревана, пребывавшей, фактически под непрерывным заселением с IV-III тыс. до н. э., играли весьма значимую роль в коммуникационной системе Южного Кавказа (см. Еремян С. Т. 1969 и др.).

/Халхал, доходила до столицы Иберии – Армастики /Армази. Отсюда, вверх по р. Араг (Арагви) она поднималась до Аланских ворот (Дарьяла) и, перевалив через Кавказский хребет, спускалась в «области северных кочевников» (*Strabo, Geogr. XI, III, 4*).

Надо заметить, что обе описанные ветви (как Ширакская, так и Севанская) связывались между собой, в первом случае – дорогой ведущей из Ширака, через Джавахк, в Армази («Путь Святой Нуне / Нино»), во втором же – дорогой ведущей из иберийской столицы, вверх по р. Киру / Куре, в Колхиду.

Такова реконструкция основных и некоторых «второстепенных» ветвей общей коммуникационной системы «Юг – Север», которая, судя по данным античных источников, по крайней мере с V в. до н. э. обеспечивала многоступенчатые связи между Северным Причерноморьем, Кавказом, Армянским нагорьем, Ираном и Месопотамией. Объективность данной реконструкции подтверждается значительной концентрацией вдоль этих дорог находок вышеупомянутой импортной продукции XIII - IX вв. до н. э., равно как и археологических и нумизматических материалов античной эпохи (VI в. до н. э. – IV в. н. э.), также происходящих из центров Ирана и Месопотамии. Обилие подобных находок особенно заметно вдоль отрезков упомянутых путей, пролежавших по современным территориям Армении и Грузии (*Зардарян М. О. 1986. сс. 8, 13*).

Резкая активизация эксплуатации дороги, и особенно участка Экбатана – Арташат, прослеживается во II – начале I вв. до н. э. Это явление, наряду с политическими предпосылками (активизация армяно-парфянских взаимоотношений), имело также собственно экономические причины. После успешного завершения в 130-х гг. до н. э. дипломатической миссии Чжан-Цяня ко двору Парфянских Аршакидов и последовавшего вслед за этим «официального открытия» Великого Шелкового пути, Экбатана – этот давний партнер, а теперь уже и ближайший к Армении восточный перекресток «продольной» трансконтинентальной магистрали, приобрел качественно новое значение для армянского рынка. Вместе с тем, благодаря развитию этого направления, сама Армения, переживавшая к этому времени период бурного политического и экономического подъема, еще больше укрепила свою роль медиатора в структуре экономических связей между Ираном, Малой Азией, Южным Кавказом и Северным Причерноморьем. В данном контексте вполне закономерным представляется приобретение к концу I в. до н. э. столицей царства Арташатом статуса одного из трех важнейших центров транзитной торговли между Парфией и Римом, а в дальнейшем – и между Сасанидами и Византией (*Зардарян М. О. 1984. сс. 26-28*).

Помимо сферы сугубо экономической, приведенная дорога и в частности – ее отрезок, ведущий из Армении в Центральный Иран, оставил заметный след также в военно-политической истории региона античной эпохи. Так, очевидно именно ею воспользовался Тигран II Великий при своем победном марш-броске на Экбатаны в 87 г. до н. э. (*Isid. Charac., Mans. Parth. 86*). Кроме того, учитывая надежность и пропускную способность этой дороги, по ней же отправил Антоний свои

гигантские осадные машины к стенам столицы Атропатены Фрааспы во время Парфянской кампании 36 г. до н. э. (*Plut., Ant. 38*).

Об экстраординарном значении рассматриваемой магистрали в экономической, равно как и политической действительности Армении свидетельствует также и то обстоятельство, что фактически вдоль нее располагались античные и средневековые столицы государства (в хронологической последовательности) – Армавир, Ервандашат, Аргашат, Вагаршапат, Двин, Ани.

Расширение хронологических рамок рассмотрения проблемы убеждает, что время эксплуатации означенной магистрали «Меотида – Вавилония» отнюдь не ограничивалась античностью и средневековьем. В плане подтверждения ее задействованности в предшествующие эпохи весьма показательны результаты картографии вышеупомянутых образцов иранского металла XI-VII вв. до н. э., обнаруженных на территории Северного Ирана и Южного Кавказа (*Погребова М. Н. 1977. сс. 50, 57*). Концентрация значительной части этих находок вдоль «античной» дороги, свидетельствует в пользу существенного удревнения начала эксплуатации последней.

Объективность данной экстраполяции находит и другие подтверждения. В частности, вышеприведенные картографические данные фактически полностью совпадают с картографией распространения на Южном Кавказе (точнее в Армении и Грузии) образцов ассирийской глазурованной керамики (см. Карту 1). И если совпадение пунктов обнаружения одной группы археологических материалов с направлением позднейшей дороги, еще может быть трактовано как стечение случайностей, то полное дублирование этих данных качественно иной группой находок, практически исключает фактор субъективности в этом вопросе.

При всей своей значимости, вышеприведенная дорога была отнюдь не единственным коммуникационным каналом между Месопотамией и Армянским нагорьем. В античных источниках сохранились сведения об еще двух магистралях, соединявших эти соседние субрегионы. В частности, подробное описание части одной из них приводит в своем «Анабасис»-е Ксенофонт (*Xenoph., Anab. II, IV, 12 – IV, IV, 22*). Именно по этой дороге в 401-400 гг. до н. э. отступал из-под Кунаксы, близ Вавилона, в «Восточную Армению» (XVIII сатрапию) отряд греческих наемников Кира Младшего. Судя по этому описанию, пролегая от Вавилона на север, вдоль русла Тигра, эта дорога пересекала течение Кентрита (Восточный Тигр) и, преодолевая перевалы Армянского Тавра и Антитавра, одной ветвью уходила в Малую Азию (именно ею воспользовались отступающие греки), а другой – спускаясь в бассейн оз. Ван, соединялась с циркумозерными коммуникациями. Последние, в свою очередь, сообщались как с Араратской долиной, так и с приурмийским «кольцом» (см. карту).

В «Анабасис»-е приводятся многочисленные свидетельства активной эксплуатации этой «двойной» - водно-сухопутной магистрали. Отмечается интенсивное сообщение (перевозки товаров) между городами, поселениями и сатрапскими ставками, расположенными вдоль Тигра. Относительно пропускных возможностей самой сухопутной дороги можно судить хотя бы по тому факту, что она не создавала каких-либо технических сложностей ни для 10-тысячного отряда

отступавших быстрым маршем греков, ни для количественно превосходящих сил преследователей – войска персидских сатрапов.

Южный отрезок этой дороги, пролежавший по территории богатейшей сатрапии Ахеменидов – Вавилонии (и частично Западной Мидии), имел важное значение для экономики Персидской державы и находился в фокусе внимания соответствующих царских служб. Однако, как следует из рассказа Ксенофонта, не меньшее внимание уделялось и северному отрезку того же пути, проходившему по территории Армении. На это указывает возведение «искусственных дорог» на труднопроходимых его участках (*Xenoph., Anab. IV, III, 5*). Собственно говоря, подобное отношение к последней было вполне закономерным, так как оба отрезка, как месопотамский, так и армянский, являлись частями единой «Царской дороги» Дария I, соединявшей Сузы с Сардами.

Однако, вне зависимости от степени интенсивности эксплуатации этой магистрали в период ахеменидского владычества, ее формирование также восходит к значительно более раннему периоду: наравне с Приевфратской магистралью, она обеспечивала связи Ассирии с западными областями Ближнего Востока.⁵ И то обстоятельство, что на этой дороге располагались Ашшур (Кена Ксенофонта), Калху (Ларисса), Ниневия (Меспила), мимо развалин которых проходил отряд Ксенофонта (*Anab., там же*) и другие крупнейшие политические и экономические центры Ассирийской державы, представляется вполне закономерным.

Как и на месопотамском отрезке, достаточно густая цепь городов, крепостей и иных поселений была построена в доантичную, в частности урартскую, эпоху и вдоль северного (армянского) участка дороги. Судя по данным археологической разведки бассейна оз. Ван, особенно плотно они располагались именно по линии прохождения приозерной части магистрали, а также по пути, ведущем отсюда к оз. Урмию (*Burney C.A. 1957. p. 43, fig. 1*). Последний отрезок, упоминаемый также и в раннесредневековых армянских источниках, пролегал вблизи крепости Котор (на совр. р. Котур. *Еремян С.Т. 1963. с. 60*). Кстати, высокой плотностью заселения в означенное время выделялись и циркумурмийские коммуникации (*Kroll S. 1977. s. 53, taf. 1*).

Таким образом, есть достаточно оснований полагать что данная магистраль, наряду с предыдущей, была включена в систему коммуникационного обеспечения контактов Армянского нагорья с Месопотамией не позднее рубежа II-I тыс. до н.э. По всей вероятности, именно по ней осуществлялся и экспорт меди из верховьев Тигра в Южное Междуречье (*Онпегейм А.Л. 1970. с. 9*).⁶

Третьей магистралью исследуемого направления, упоминаемой в античных источниках, является водный путь вниз по Евфрату, по которому, как сообщает Геродот, вино из Армении (а возможно и другая продукция) сплавлялось на круглых кожаных судах в Вавилон (*Herod. Hist. I, 194*). По сведениям приводимым в «Истории», грузоподъемность этих судов, вызвавших особый интерес греческого

⁵ В частности, в основном по этим двум дорогам протекал импорт железа из месторождений Малой Азии и западных областей Армянского нагорья в ассирийскую Месопотамию («Дорога железа»).

⁶ Косвенным подтверждением данной версии является сообщение Ксенофонта относительно обилия бронзовых изделий у населявших эту местность кардухов (*Anab. IV, I, 8*).

ученого, могла достигать 130-и тонн (5 тыс. талантов). Подобные цифровые данные, наряду с иными деталями, позволяют судить о масштабах экспорта армянского вина на юг. Евфратская водная магистраль, также как и Тигрская, дополнялась сухопутной дорогой, пролежавшей вдоль русла реки (*Xenoph. Anab. I, IV-VI*).⁷

Возвращаясь к проблеме экспорта вина из Армении, следует отметить, что мы не располагаем прямыми свидетельствами о таковом ранее V в. до н.э. Однако, если учитывать промышленный характер виноделия Ванского царства (*Арутюнян Н. В. 1964. сс. 102-138*), поистине гигантские масштабы винохранилищ урартских городов (Эребуни, Аргиштихинили, Тейшебаини и др.), очевидно рассчитанных не только на внутривосударственное потребление, то можно предположить, что данная отрасль экспорта, равно как сфера реализации продукции и техника ее транспортировки, сложились еще в догеродотовскую эпоху. Тем более, что Месопотамия и, в частности, ее центральные и южные области, испытывали стабильную нехватку виноградного вина, а упоминаемый Геродотом традиционный метод сплава по реке – был наиболее рациональным для больших объемов подобной, достаточно специфичной продукции.⁸

В дальнейшем этот вид экспорта из Армении в Месопотамию достиг таких масштабов и регулярности, что к IV в. н. э. розничная цена вина в Южной Месопотамии (Ниппур) определялась его оптовой ценой в Араратской долине – почти за 1000 км (по прямой) от региона потребления (*Солодухо Ю. А. 1960. сс. 128-132*). Подобная степень экономической интеграции была бы невозможна без наличия между регионами надежных, стабильно действующих коммуникаций.

Таковыми представляются основные магистрали, обеспечивавшие в древности связи Армянского нагорья, Центрального и Западного Кавказа с Ираном и Месопотамией. Исходя из тематической ориентации и объема данной статьи, мы опускаем здесь рассмотрение целого ряда второстепенных ответвлений, рассмотренных выше дорог, а также путей, связывавших восточные области Кавказа с южными цивилизациями. Детальный анализ последнего вопроса в настоящее время несколько осложняется недостаточно надежной документацией ряда групп археологических находок, особо значимых с точки зрения рассматриваемой тематики.⁹

Вместе с тем, примененная выше методика сквозного, комплексного исследования археологической, географической (историко-географической, картографической) и источниковедческой информации, представляется весьма перспективной также и в плане изучения каналов внешнего общения древних

⁷ Южная половина Приевфратской сухопутной дороги, доходившая одной из своих ветвей до Антиохии-на-Оронте и известная в античной историографии как «Новоселевкийская», в дальнейшем вошла (наряду с отрезком «Экбатана – Селевкия») в структуру «Великого Шелкового пути», формируя южное «русло» ее ближневосточной сети.

⁸ Кстати, аналогичные по технике водные транспортировки по Тигру, упоминаемые в античных источниках (*Xenoph. Anab. II, V, 28*), имели, повидимому, столь же давнюю историю.

⁹ Подобное обобщенное исследование в значительной мере осложняется и неравнозначностью изученности древних культур Восточного Кавказа и, в частности, размытостью культурно-хронологических корреляций материального наследия древних обществ, населявших совр. территории востока Азербайджана и Дагестана.

обществ Восточного Кавказа. Хотя, исходя из немногочисленных достоверных данных, доступных в настоящее время, уже становится очевидным, что «Экбатанская дорога» и ее ответвления, пролегавшие по Араратской долине, или через «Армянские» и «Каспийские ворота», имели исключительное значение для связей данного субрегиона Кавказа с южными цивилизациями.

В рамках анализа внешних контактов Южного Кавказа по означенной меридианной оси, особую значимость приобрело программное изучение северо- и западноиранских, приурмийских археологических памятников, заметно активизировавшееся в последней трети XX века.¹⁰ По мере накопления материальной информации об исторической Атропатене (Мидии-Атропатене), все четче проявлялась поступательная взаимосвязь (а подчас и взаимозависимость) кардинальных культурно-исторических процессов, характеризовавших последовательные периоды развития этих двух регионов. Причем, тесная корреляция этих процессов прослеживается не только в пределах эпохи Урарту (особенно акцентируемой в период упомянутых изысканий), когда области северо-западного Ирана входили в состав Биайнили, но и в доурартское и постурартское время. И с точки зрения обсуждаемой тематики, отнюдь не случайны находки в этой зоне, в частности в Хасанлу, материалов конца II - начала I тыс. до н.э. (*Погребова М. Н. 1977, там же; Nakemi M., Rad M. 1950, pp. 87-103, fig. 44c; Dyson R.H. 1989, p. 9, pl. 10b.*), перекликающихся с импортными изделиями, выявленными в Армении и Грузии. Поселение это, расположенное на первом из рассмотренных выше путей, должно было играть важную роль в структуре контактов Южного Кавказа с Ираном и Месопотамией.

При обращении, в контексте рассматриваемых проблем, к вопросам борьбы государств Древнего Востока с кочевниками в начале I тыс. до н.э., достаточно отчетливо прослеживается совпадение направления некоторых из приведенных магистралей с движением миграционных волн, периодически прорывавшихся на ближневосточную арену из-за Кавказского хребта. Так, проникновение киммеров из «Боспора Киммерийского» на юг во второй половине VIII в. до н. э., нашедшее свое отражение как в ассирийских, так и греческих письменных источниках (*Дьяконов И. М. 1951, #10, 11; Herod. Hist. IV, 12*), недвусмысленно очерчивается вдоль дороги, ведущей по восточночерноморскому побережью на Южный Кавказ. И с этой точки зрения, обсуждаемые в ряде исследований топонимические проявления присутствия киммеров в зоне пролегания этого пути и, в частности, в Шираке («гимирра» - Гюмри и пр.), представляются достаточно объективными. По этой же дороге должна была протекать также предполагаемая инфильтрация позднейших, уже скифских, племен аорсов и сираков, также оставивших свой след в топонимике и дальнейшей истории северо-западных областей Армении – Ширака и Аршаруника (*Еремян С. Т. 1969, сс. 23-24; Еремян С. Т. 1968, сс. 89-116*).

¹⁰ К сожалению, эта плодотворная работа была прервана известными политическими событиями. Однако данные, накопленные за годы изучения этих областей, могут быть продуктивно использованы, в частности, и для освещения широкого круга проблем межрегиональных контактов культур Иранского плато, Армянского нагорья, Кавказа и пр.

Кроме того, с функционированием дороги, ведшей из Ширака к бассейну оз. Урмио и с предполагаемыми вдоль нее миграционными процессами, по-видимому, обусловлен определенный топонимический параллелизм, прослеживаемый в двух этих областях: Ширак – Нор Ширакан, Эриахи – һер и др. (*Петросян А. 1994. сс. 23-25*).

Наконец, именно эта магистраль является, пожалуй, наиболее вероятным маршрутом, упоминаемого в урартских хрониках, набега объединенных сил племенного союза «Страны Этиуни» на Мусасирский храм в первой трети VIII в. до н. э. (*Меликишвили Г. А. 1979. с. 173*).

Интенсивность и многообразие взаимодействия населения Армянского нагорья с Месопотамией в начале I тыс. до н. э., наряду со сферой экономики, находит также иные проявления: месопотамское влияние прослеживается в позднеурартской архитектуре и строительной технике (*Кафадарян К. К. 1984. сс. 59, 61, 63*), в некоторых религиозных воззрениях (*Пиотровский Б. Б. 1959. сс. 230-231*) и т. д. Ярчайшим примером важной роли «месопотамского фактора» в культуре Ванского царства служит само возникновение и развитие урартской клинописи.

Весьма красноречивы, в плане освещения контактов этих двух регионов, и вавилонские архивные документы, свидетельствующие о присутствии армян в Вавилонии (Вавилон, Урук, Ниппур) – в качестве частных лиц, чиновников местной администрации и, более того, в составе автономной колонии, по крайней мере с нововавилонского времени (*Contenau G. 1927. 75; Clay A. T. 1904. 107*). Местные имена этих переселенцев (Шамаш-Баракку, Нергал-Убаллит и пр.) указывают на культурную интеграцию последних в местную среду и, следовательно, продолжительность их пребывания в Месопотамии. Об этом же, по-видимому, свидетельствует и то обстоятельство, что в текстах они представлены как урарты (*urastaja*) – этноним анахроничный для VI и тем более V вв. до н. э., когда Урартское царство уже сошло с политической арены, но указывающий на давнее знакомство вавилонян с населением Армянского нагорья. О глубине проникновения армян в вавилонскую среду говорит и тот факт, что армянин Араха, упоминаемый в Бехистунской надписи, пользовался достаточной поддержкой своих новых сограждан, чтобы поднять восстание в Вавилонии против Дария I в 522/1 гг. до н. э.

Вполне возможно, что, подобно представителям других этнических колоний, функционировавших на территории Древнего Востока, члены армянских общин Вавилонии играли определенную роль в структуре связей своей родины с Месопотамией, обеспечивавшихся густой сетью представленных выше коммуникаций.

Свидетельства столь же глубокой интеграции, причем, отнюдь не только экономической, находим мы и при сопоставлении различных аспектов материальной и духовной культур Армянского нагорья и Иранского плато (*Тирацян Г. А. 1988. сс. 21-76*).

Естественно, климатические условия региона накладывали определенные ограничения на эксплуатацию высокогорных участков некоторых из рассмотренных магистралей, в частности, кратчайших путей из Северной

Месопотамии к бассейну оз. Ван, кавказских «ворот» и пр. Сложности преодоления подобных дорог, особенно в осенне-зимний период, достаточно красноречиво описаны как в трудах античных историков (*Xenoph. Anab. VI, V, 1-7; Strabo, Geogr. XI, XIV, 4* и др.), так и в заметках европейских путешественников-ориенталистов XVIII - XIX веков (*Zimanski P.E. 1985. pp. 29-31*). Однако, признавая объективность воздействия сезонно-климатических факторов на эксплуатацию горных дорог, вместе с тем, не следует, пожалуй, абсолютизировать оценки этих источников относительно сложностей их преодоления: ведь нередко суждения подобного рода проистекали из шокирующей необычности местных условий для путешественника, привыкшего к средиземноморскому климату, равнинному ландшафту, обуславливались плохой организацией и экипировкой, или же стремлением ссылкой на неблагоприятный климат оправдать собственные военные неудачи (*Plut. Luc. 32; Cass. Dio. 49, 31,1*). Вспомним, что отряд Ксенофонта, отступив в Армению из знойной Месопотамии, отнюдь не был готов к горному маршу в зимнее время. Однако, даже в этих экстремальных условиях, людские потери греков на данном отрезке их пути, в основном, являлись следствием активного противодействия местного населения, а не результатом климатического пресса.¹¹

Что касается сезонного характера эксплуатации торговых магистралей, то, с различной цикличностью, он был присущ дорогам как Армянского нагорья, так и Иранского плато, Сирийской пустыни, Аравии и иным магистралям, пролежавшим по территориям со специфичными ландшафтно-климатическими характеристиками. Аналогичные ограничения характеризовали и навигацию в бассейне Индийского океана (муссоны) и даже Средиземноморья, где вплоть до позднеримской эпохи с ноября по март приостанавливалось плавание. Но, в целом, все это не влияло на объемы и стабильность межрегионального торгового оборота. Сезонно-климатические ограничения могли быть эффективно нейтрализованы мерами организационного порядка (фактории, перевалочные базы и пр.), элементы которых проявляются на Ближнем Востоке уже к середине II тыс. до н.э.

Примечательно, что сопоставление рассмотренных древних торговых дорог, реконструируемых методом комплексного историко-географического анализа, с ныне функционирующими магистралями, в большинстве случаев демонстрирует почти полную их идентичность. Это обстоятельство, лишний раз высвечивая «консервативность» путей, пролегающих через регионы со сложным рельефом, одновременно указывает на стабильность внешнеторговых (культурных и пр.) ориентиров, прошедших испытание временем.

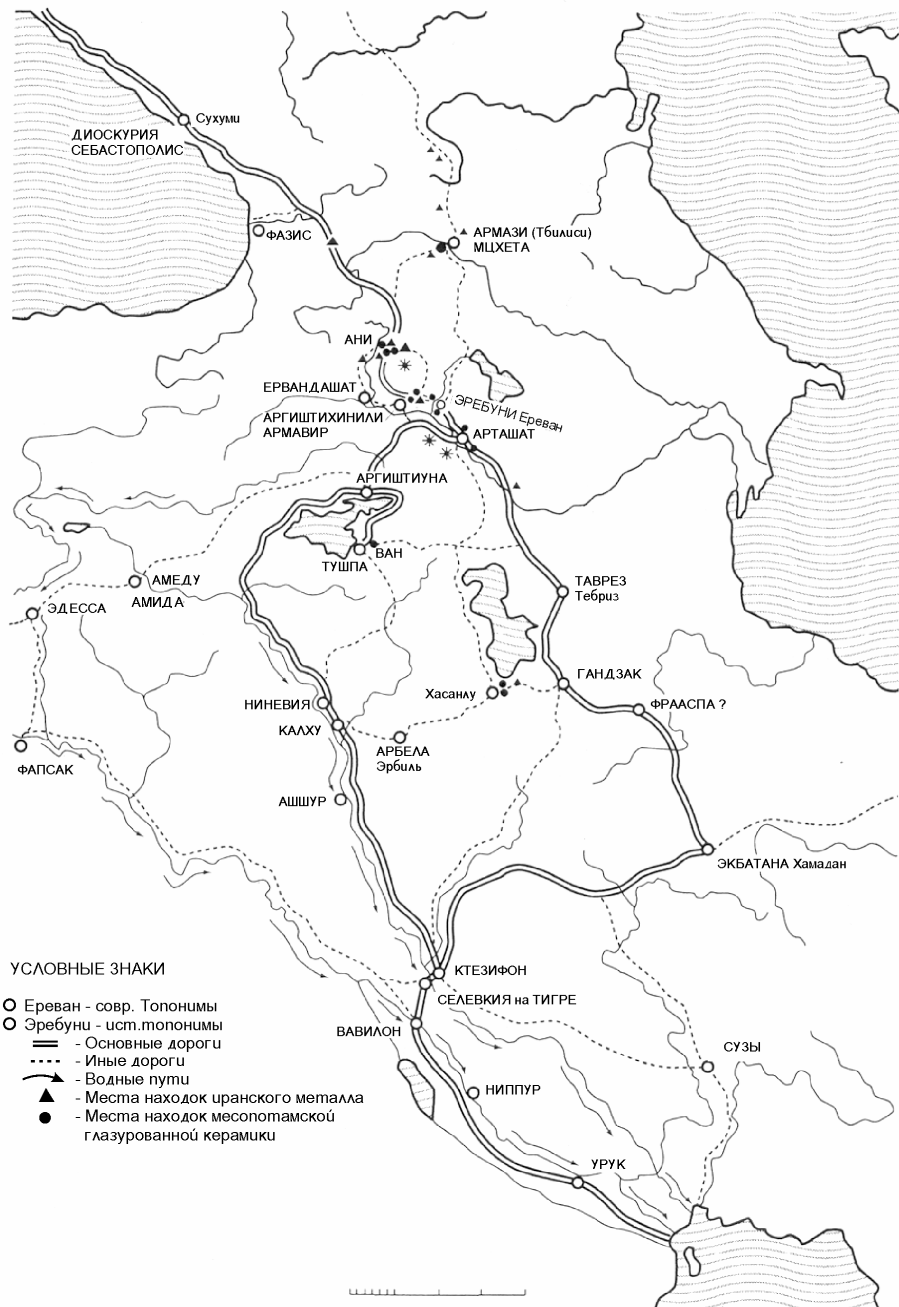
Обращение к проблемам истории экономических связей Армянского нагорья и Южного Кавказа (как одной из ветвей истории и материальной культуры региона), позволяет констатировать следующее. В ходе развития цивилизаций данного региона, специфичное географическое положение последнего трансформировалось в своеобразный **природный ресурс**, обеспечивавший его причастность (подчас

¹¹ Попытки оправданий военных неудач со ссылкой на климатические условия, были «популярны» не только в эпоху античности: достаточно вспомнить некоторые трактовки краха кампании Бонапарта 1812 года, или даже аналогичные эпизоды из истории Второй Мировой войны и пр.

незавидную) к различного рода процессам – этническим, культурным, политическим, экономическим, социальным, происходившим по обе стороны «Кавказского щита» - как в Передней Азии, так и на территории евразийских степей. *Культурная коммуникабельность*, проистекавшая из коммуникабельности географической, с течением времени приобрела здесь значимость своего рода «формообразующего фактора», причем не только в конкретных сферах материального наследия.

Особенно четко эта характеристика проявляется в структуре экономических взаимоотношений древних обществ, а в дальнейшем – государств, региона с окружающим миром. Анализ имеющегося объема разноплановой информации свидетельствует, что уже к концу II тыс. до н.э. окончательно оформилась роль Армянского нагорья и Южного Кавказа в кристаллизующейся системе многовекторных связей между Средиземноморьем, Ближним Востоком и Центральной Азией, а также между последними и периферией Древнего мира. При этом, использование коммуникационных возможностей региона преимущественно в сфере поставок на внешние рынки обширного перечня местного природного сырья (обсидиан, медь, железо и пр.), характеризует лишь начальную стадию означенных контактов. По крайней мере с первой половины I тыс. до н.э., акцентируется и получает дальнейшую реализацию транзитный и геостратегический потенциал сети сообщений региона, оттесняя прежние, более узкие функции на второй план, включая также активный и последовательно прогрессирующий экспорт местной готовой продукции. Эта тенденция прослеживается и в последующие эпохи.

Коммуникационная ось "Юг-Север" в системе внешних связей Армянского нагорья (I тыс. до н.э.)

Основные коммуникации межрегионального обмена на оси "Юг-Север"

Список литературы

1. Археология СССР. 1985 – Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.
2. Еремян С.Т. 1952 – К вопросу об этногенезе армян. Вопросы истории, #7.
3. Торосян Р.М. 1976 – Раннеземледельческое поселение Техута (IV тыс. до н. э.). Ереван (на арм. яз.).
4. Мартиросян А.А. 1964 – Армения в эпоху Бронзы и Раннего железа. Ереван.
5. Мартиросян А.А. 1960 – К предыстории древнейших этапов культуры Армении. Историко-филологический журнал (ИФЖ), #1.
6. Погребова М.Н. 1977 – Иран и Закавказье в Раннем железном веке. М.
7. Кушнарева К.Х. 1959 – Археологические работы 1954 г. в окрестностях с. Ходжалы. Материалы и исследования по археологии СССР. М-Л, #67.
8. Есаян С.А., Зардарян М.О. 1985 – О некоторых привозных изделиях обнаруженных в Ошакане. ИФЖ, #4 (на арм. яз.).
9. Muller C. 1916 – *Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana.* Stuttgart.
10. Манандян Я.А. 1936 – Главные пути Армении по *Tabula Peutingeriana*. Ереван (на арм. яз.).
11. Манандян Я.А. 1954 – О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван.
12. Еремян С.Т. 1969 – Эрбуни-Ереван на путях мировой торговли. Вестник (общественных наук). #12 (на арм. яз.).
13. Еремян С.Т. 1979 – Армянское государство в эпоху Тиграна Великого. Карта. Ереван (на арм. яз.).
14. Muller C. 1965 - *Geographi Graeci Minores: Isidori Characeni. Mansiones Pharticae.* Hildesheim. T. 1.
15. Зардарян М.О. 1986 – Торгово-экономические связи Армении с Эллинистическим миром в III-I вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. Ереван.
16. Зардарян М.О. 1984 – Эллинистическая Армения в системе переднеазиатской международной торговли. Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Доклады. Ереван.
17. Burney C.A. 1957 – *Urartian Fortresses and Towns in the Van Region.* *Anatolian Studies.* Vol. VII.
18. Еремян С.Т. 1963. Армения по «Ашхарацуйц»-у. Ереван (на арм. яз.).
19. Kroll S. 1977 – *Urartaische Platze in Iran.* *Archaeologische Mitteilungen aus Iran.* N.F. Band 10.
20. Оппенгейм А.Л. 1970 – Торговля на Ближнем Востоке в древности. V Международный конгресс экономической истории. Труды. М.
21. Арутюнян Н.В. 1964 – Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван.
22. Hakemi M., Rad M. 1950 – *The Description and Results of the Scientific Excavations of Hasanlu, Solduz. Guzarishha-yi Bastan Shinasi (Tehran).* #1.
23. Dyson R.H. 1989 – *Rediscovering Hasanlu. Expedition.* Vol. 31, # 2-3.
24. Дьяконов И.М. 1951 – Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. Вестник древней истории. #2.
25. Еремян С.Т. 1968 – Походы киммерийских и скифских племен и борьба Урарту и Ассирии с кочевниками. ИФЖ. #2 (на арм. яз.).
26. Петросян А. 1994 – Лингвистические и мифологические данные об этнической группе Эриахи-Ширака. Историко-культурное наследие Ширака. Первая Республиканская конференция. Гюмри (на арм. яз.).
27. Меликишвили Г.А. 1979 – К чтению одного места в летописи урартского царя Аргишти I. Переднеазиатский сборник. #3.
28. Кафадарян К.К. 1984 – Архитектура города Аргиштихинили (по материалам раскопок 1962 – 1976 гг.). Ереван (на арм. яз.).
29. Пиотровский Б.Б. 1959 – Ванское царство. М.
30. Contenau G. 1927 - *Contrats Neo-babyloniens I. De Teglatpalasar III a Nabonide.* *Textes Cuneiformes.* *Musee du Louvre. Departement des Antiquites Orientales.* Paris. T. 12.
31. Clay A.T. 1904 – *Business Documents of Murashu Sons of Nippur, Dated in the Reign of Darius II.* *Cuneiform Texts. Series A. The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania.* Vol. 10.

32. Тирацян Г.А. 1988 - Культура древней Армении (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Ереван.
33. Zimanski P.E. 1985 – Ecology and Empire. The structure of the Urartian State. Studies in Ancient Oriental Institute. Chicago. #41.
34. Бадалян Р.С. 2002 – Obsidian Kavkaz: Источники распространения сырья в эпоху Неолита – Раннего железа (по результатам анализов нейтронной активации). Автореф. докт. дисс. Ереван.
35. Пилипосян А.С. 1999 – Древневосточные кинжалы и мечи с рамочной рукоятью. Ереван.
36. Пилипосян А.С. 1998 – Печати Армянского нагорья в системе древневосточной глиптики. Ереван.
37. Солодухо Ю. С. 1960 - К вопросу об армяно-иракских торговых связях в IV в. В сб.: Исследования по истории и культуре народов Востока. М-Л.